носит задумчиво дед,— генерал Иванов — необыкновенный человек.

— Сказанешь тоже,— сердится Иванов.— И вообще! Что ты выражаешься, как на радио? Сам бы про себя рассказал лучше. Вон орденов сколько! Их зазря не дают. А скромничаешь, небось?

— Ладно, — произносит дед. — Кукушка хвалит петуха. У меня награды за обыкновенное военное дело. У тебя — за подвиги. Не бойся этого слова. За настоящие подвиги. Книги про них писать надо!

— Да уж все написано! — смеется Николай Петрович.

Мы идем в столовую, обедаем. Жена Николая Петровича кормит его с ложечки. Словно маленького. Но дед не обращает на это внимания. Будто все нормально. И жена Иванова тоже не обращает. И сам генерал.

Они вспоминают войну, забавные всякие случаи и смеются, словно на войне только смешное и происходило. Нет, на войне не смешно было, а тяжело, трудно. Иногда — смертельно трудно. А вечером дед рассказал мне историю про генерала Иванова.

История вторая Про генерала Иванова

Война уже обратно катилась. Гитлеровцы драпали.

Вообще выражение это неправильное — драпали. Драпал Наполеон, тут верно. Бросил своих солдат и помчался в Париж. А Гитлер был злобный человек. Каждый день орал, чтобы его солдаты сражались до последнего. И фашисты не драпали, а сопротивлялись изо всех сил. Бились отчаянно. Но мы все равно гнали их.

Дед сказал: фашисты умело воевали. И генералы у них были опытные. Еще бы! Всю Европу прошли. Все армии победили. Так что врагов дураками считать нельзя. Никакими они дураками не были. А были коварными, хитрыми, расчетливыми. Жестокими были, как звери, потому что они фашисты. Но не дураками. Дураков-то обмануть легко. А значит, и победить. Наша победа трудной была. Потому что враг опытный и злобный. От этого наша победа только почетней!

Ну так вот, война назад катилась. И фашисты дрались отчаянно. За каждую кочку цеплялись. А уж про реки и говорить нечего! Взрывали за собой все мосты, чтобы добраться до них нельзя было. На другом берегу в землю закапывались. Дотами и пулеметами ощетинивались. Вот так они уцепились и за Днепр. Мол, ни за что дальше не отступим.

Нечего нам делать, надо врага выбивать. Надо Днепр переплывать и вражеский берег захватывать.

Только тут объяснить надо. Днепр переплыть не каждый взрослый может. Даже в мирное время. А тут война. Тут не просто переплыть надо, а переплыть под вражеским огнем. Плывешь, а вода вокруг от снарядов да пуль будто вскипает.

Но и это еще не все.

Надо плоты переправить. Специальные, железные, военные. Понтоны называются. На понтонах — пушки. Танки.

В общем, не плавание это никакое. Плаванием не назовешь, если в тебя стреляют. Поэтому есть такое слово — форсирование. Форсируют реку — это когда ее переходят под огнем, штурмуют, словно крепость. Но ведь за этой крепостью — еще одна. Укрепленный врагами берег. Берег, который плюется свинцом.

По всему берегу всю реку форсировать нельзя. Поэтому генералы выбирают место, где враг послабее. А если нигде послабее нет, выбирают, где нам поудобнее. И начинается битва. Переплывают солдаты. Перевозят пушки, танки. Цепляются за кусочек берега и врагов выбивают. Наш этот кусочек называется плацдармом. Французское, между прочим, словечко. Плац — значит площадь, д'арм — для армии. Но когда реку форсируют, наш плацдарм на вражеском берегу — это сначала кусочек земли, а не площадь. И враг все делает, чтобы с этого кусочка нас сбросить. Потому что, когда есть плацдарм, через реку можно подкрепление переправить. Составить быстро понтоны один к одному — и будет мост. А по мосту танки пойдут, пехота побежит, пушки покатятся. Подмога плацдарму. Тем, кто на кусочке земли сражается.

Не думайте, будто я зря про это рассказываю. Это к генералу Иванову все относится.

Только он тогда генералом не был. Был капитаном. Когда форсировали Днепр, его командира тяжело ранило. Капитан Иванов вместо него встал. Отвоевал у фашистов маленький плацдарм — пятачок земли. Орудия расставил. Открыл по врагу бешеный огонь. И держался изо всех сил, пока подмога не пришла. Пока не переправили по понтонному мосту ему на помощь другие войска.

И тут жахнула мина. Прямо перед ним. И все исчезло.

Когда он в себя пришел — в госпитале уже,— рук у него не было. По самые плечи. Рук нету, а он их чувствует. Хочется ему ладонью по голове провести, волосы причесать...

Капитан Иванов отвоевал у фашистов маленький плацдарм. Орудия расставил. Открыл по врагу бешеный огонь.

Лежит капитан, поверить в беду не может. Как же без рук? Недаром поговорка такая есть: как без рук. Значит, плохо. Да просто невозможно без рук.

Может, лучше не жить дальше? Может, лучше умереть, чем жить несчастным калекой? Родным обузой быть?

Жизнь, как сон, стала. Закроет глаза капитан — плацдарм ему видится. Вражеские танки. Артиллерийские разрывы. Товарищи боевые видятся. Это жизнь. А откроет глаза — белый потолок. Белый халат врача. Да еще ординарец на табуретке с горестным лицом. Разве это жизнь?

Думает капитан, думает. Умереть сейчас глупо. Умирать, победив, нельзя. Слабый так поступить может, но не он. Умереть — значит перед жизнью капитулировать. Значит, отступить. А отступать он не привык. Вперед надо идти. Только вперед. Но обузой быть он не может. Не имеет права. Жить можно при одном условии — сражаться дальше. Даже без рук.

И вот что выдумал Иванов. Послал ординарца в штаб. Попросил, чтобы изменили в его бумагах строчку. Чтобы написали, что родился он в другом городе. И все. Нет его. Пропал без вести. Пусть не ищут родные. Мало ли Ивановых Николаев Петровичей?

Правильно ли он поступил?

Считал, что правильно. Считал, что война еще впереди и убить его могут. Так что какая разница? Просто немного раньше в мертвые себя записал.

Вот какая история.

Врачи капитана на фронт не пускали. Он уехал без спроса. Вернулся в полк. Героем. Со звездочкой на гимнастерке. И снова стал воевать.

Под Дрезденом заслужил Иванов вторую Звезду Героя. Опять его ранило. Поправился и снова на фронт. Сражаться!

Всю войну прошел до конца. Не убило его.

Даже смерть от него отступилась.

Удивилась, наверное, его мужеству.

А родные его нашли все-таки. Да разве могли они его не найти!..

Серега сразу же забыл про боль в руке. Он внимательно наблюдал за окружающими и втайне радовался, что все так удачно вышло.

Только теперь Колян рассмотрел черную, четырехгранную трубу.

русские люди целые манускрипты создавали, или, по-школьному, сочинения.

— Откуда все это вам, Федор Петрович, известно?

— Так моя же профессия — буквы и строчки, строчки и буквы. А все вместе — это книги, журналы, газеты. Все вместе — наука!

«Удивительный человек этот Краюшин,— думает Колян.— Кругом война, а он о прошлом и будущем рассказывает. Наверное, и стихи пишет... Да неудобно как-то спрашивать. Потом когда-нибудь... Да и газету кончать надо».

Колька набрал последние статьи, поставил их в колонку.

— Ну, — подмигнул Краюшин, — еще одно, но не последнее сказание... Бери оттиски и беги к матери, пусть ошибки проверит и даст Калачеву подписать. А я тем временем чайку вскипячу. Остался у меня тут неприкосновенный запас, несколько кусков сахара... Ох, и запируем мы с тобой, Колян, и Гришку с Генкой чайком побалуем. Не все же им «за так» на нас с тобой работать!

«Слушайте Москву!..»

Колян так бы и пронесся по улицам из райисполкома до самой типографии, если бы на углу Бежицкой и Людиновской его не окликнул Серега.

Будто конь на скаку, остановился, повертел головой во все стороны: почудилось, наверное. Нет Сереги. Глянул вверх, а тот на столбе. Косолапо обнял столб ногами, обутыми в металлические «кошки», привязал себя поясом и что-то там, на самом верху, делает.

— Ты чего? Провод решил снять?

Захохотал Серега:

— Дурья башка, дело делаю. Сейчас радио включать будем.

Только теперь Колян рассмотрел черную, четырехгранную трубу, которую прилаживал к столбу Серега.

— Ух ты!— не то восхищенно, не то растерянно протянул Колян и рванулся с места, чтобы скорее сообщить Краюшину новость.

— Да погоди ты, делопут! — не скрывая усмешки, остановил его Серега.— Успеешь еще со своей газетой. Сейчас я слезу, на радиоузел пойдем.

После обидного для Коляна разговора в больнице друзья не встречались. Кольку тогда смутило Серегино зазнайство. И Серега почувствовал, что его занесло. Только не в его правилах было первым идти на примирение.

Останавливаясь каждый день у витрины «Народного мстителя», напечатанного на тетрадочных листах, он с восхищением думал: «Молодец, Колян! Нужное это дело!»

Но вот какой упрямый, дурной характер